

УДК 821.111(73):82-312.9

**БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ
«ГАЛАПАГОСЫ» К. ВОННЕГУТА**

О. С. Ратникова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

Библейские мотивы, эксплицированные на различных уровнях текста романа-антиутопии «Галапагосы» К. Воннегута, являются одним из ключевых смыслообразующих компонентов произведения. Сюжеты Апокалипсиса, мифа о Ноевом ковчеге и сотворении человека перверсируются автором в духе негативных футурологических прогнозов нашего времени; христианские образы-символы, обыгранные с присущей литературе постмодернизма иронией, показывают хрупкость культуры, разрушаемой обществом потребления. Гуманизм противопоставлен материалистической вере в случай и закон естественного отбора.

Ключевые слова: *антиутопия, библейский мотив, христианская мифология, апокалипсис, «Галапагосы», К. Воннегут, перверсия, постмодернизм.*

Исследование специфики функционирования библейских мотивов в художественном пространстве антиутопии Курта Воннегута «Галапагосы» – важный аспект поиска ключей к прочтению романа. Образы и сюжеты христианской мифологии являются значимыми элементами в структуре романа, используются на самых разнообразных уровнях текста, а анализ своеобразия их переосмысления позволяет лучше понять авторскую картину мира и специфику произведения.

Используя библейские мотивы в «Галапагосах», Воннегут сопоставляет две взаимоисключающие мировоззренческие системы: веру в Бога, как исторически традиционную для западного человека, и веру в случай, лежащую в основе материалистического сознания Новейшего времени. Как утверждает Роберт Чарльз Спраул, «если бы существовал случай, это бы разрушило полновластие Бога. Если Бог не полновластен, это не Бог. Если это не Бог, его просто нет. Если есть случай, Бога нет. Если есть Бог, нет случая. Эти двое не могут сосуществовать по причине невозможности противоположностей» [3, с. 113].

Три основных сюжетобразующих мотива в романе, явственно отсылающих нас к библейской традиции, – это миф о последних временах перед Страшным судом, миф о Ноевом ковчеге и миф о творении человека. В тексте романа эти мотивы возникают именно в такой последовательности, что уже является значимой перверсией, поскольку таким приемом Воннегут создает историю нового человечества, пережившего собственную смерть и ре-сотворенного, обретшего «первозданную невинность» не за пределами пространства и времени, в Небесном Иерусалиме, а на земле, во вполне физической жизни.

В начале романа перед нами предстает Земля недалекого будущего, на которой всю власть имеют Мор, Голод, Война и Смерть. Но это не библейские всадники Апокалипсиса: появление каждого из них имеет логичное экономическое, политическое или биологическое объяснение.

Голод возникает, поскольку целые нации вдруг утратили веру – веру в ценность бумажных денег – и перестали продавать действительно нужные вещи за условные единицы. Вымирание многих народов, страдающих от голода, в контексте романа схоже с гибелью организмов, не прошедших испытание в борьбе за существование.

Войны тоже возникают как попытка завладеть ресурсами, необходимыми для выживания. Это не столкновение праведников и грешников, Бога и дьявола, а уничтожение сильными слабыми в действительно апокалиптических масштабах, но с помощью новейших технологий.

Смерть может легко завладеть миром, где человеческая жизнь перестала цениться, а оружие стало столь совершенным, что убийца едва ли увидит лица своих жертв: миллионы людей можно уничтожить нажатием нескольких клавиш на электронном устройстве.

Наиболее сложным является мотив Мора; в «Галапагосах» это неизлечимая болезнь, делающая всех женщин на Земле бесплодными. С одной стороны, как нам известно, в мире постоянно появляются новые патологически опасные для человека организмы, с другой – уж очень вовремя природа лишает человека шанса на продление своего рода: как раз на пороге всеобщей войны, которая угрожала бы всем остальным биологическим видам и жизни на Земле как таковой.

Все эти силы легко расправляются с цивилизацией и оборачивают ее оружие и возможности против нее самой, поскольку ею же и сотворены. История человечества как известной нам цивилизации заканчивается, но вечное Царство Божие как финал линейной истории не наступает: после глобальной катастрофы проходит миллион лет, подчиненных биологическим циклам.

Волей провидения – или случая – история человечества не заканчивается. Начинается новый виток сюжета, определяющие события которого происходят в течение нескольких часов в разоренном портовом городе Гуаякиле, откуда должен был отправиться в «естествоиспытательский» круиз века корабль с символическим названием «Бухта Дарвина». Вместо того чтобы повторить путь и наблюдения ученого и увидеть своими глазами подтверждения его эволюционной теории, персонажи романа поневоле становятся участниками «дарвиновского испытания на силу и живучесть».

Возникающая у читателя и подчеркнутая автором ассоциация с Ноевым ковчегом оборачивается пародией. Всем происходящим управляет не Бог, а случай, критерии отбора пассажиров на этот судьбоносный рейс не связаны с категориями человеческой морали. Вообще все персонажи книги возникают в повествовании лишь сообразно своей значимости в эволюционном процессе и, выполнив ту или иную функцию, перестают интересовать автора: тот, кто не участвует в «сохранении вида», остается за бортом – в прямом смысле слова. За исключением собаки Казах, которая была стерилизована и потому с биологической точки зрения бессмысленна. Здесь нам видится также не столь, может быть, прозрачная пародия на миф о Ноевом ковчеге, где, кроме «всякой твари по паре», необходимых для восстановления фауны на земле, было несколько пар, предназначенных для ритуала жертвоприношения. У Воннегута «чистое» животное также приносится в жертву ради спасения – будучи съеденным.

Современнейший корабль, оборудованный по последнему слову техники, оказывается не только менее совершенным, чем «Бигль» Дарвина или ветхозаветный ковчег, он, скорее, напоминает естественный плот, на котором, по одной из вер-

сий, прибыли на Галапагосы их первые обитатели. Сообщество ничем не напоминает семью праведников, это люди разных и чуждых друг другу культур, мировоззрений и целей. Мотив Ноева ковчега – это переход от последних времен культурного мира к сотворению, а точнее – пере-творению человека. Своим продолжением род человеческий обязан Мэри Хэлберн; как и Мария – библейская богородица, она связана с мотивом непорочного зачатия, которое у Воннегута никак не связано с чудом, а скорее напоминает современные техники искусственного оплодотворения, чуда рукотворного: Мэри использует генетический материал капитана, помимо его воли создает новую жизнь в телах девочек-дикарок.

Воннегут оригинально демонстрирует, как христианская мифология связывается в сознании современного человека с политической. Один из второстепенных героев, носящий говорящее имя Хесус, ждет с религиозным трепетом приезда Жаклин Кеннеди Онассис, словно явления Богородицы: «Сеньора Кеннеди представлялась ему прекрасной, печальной, чистой, доброй и всемогущей» [1, с. 63].

Тысячелетнюю культуру человечества гениальный изобретатель прошлого смог вместить в портативный компьютер «Мандаракс», который можно сравнить с плодом познания добра и зла. В отличие от библейской Евы, практически все колонисты, кроме Мэри Хэлберн, не испытывают соблазна постичь его сокровенные тайны, а, скорее, стремятся к забвению прошлого. Искусство и наука исчезают вместе с устройством в пасти белой акулы через тридцать лет после начала новой истории, когда это «яблоко познания» ввиду его полнейшей бесполезности перед смертью выкидывает в море капитан Адольф фон Кляйст: советы, которые он дает, неисполнимы в условиях необитаемого острова. «Можно сказать, что его финальным актом в качестве нового Адама стал бросок Яблока познания в синие морские глубины» [Там же, с. 85]. Культура и религия как один из ее аспектов не возрождаются на Галапагосах. Только архаичные обряды канка-боно продержатся несколько тысячелетий, пока постепенно инстинкты выживания не вытеснят остатки культурной памяти.

К перверсированному библейскому мотиву мы также относим частое упоминание в тексте рыбы – как одного из символов христианства в культуре, связанного с греческой аббревиатурой имени Спасителя и текстами Нового Завета. Например, один из героев романа, брачный аферист Джеймс Уэйт, сравнивается с рыбаком. Подобно апостолам, он «ловец человеков», в нашем случае – богатых одиноких женщин. В переносном смысле, по Воннегуту, люди – рыболовы, промышленные, так или иначе, все больше материальные ценности, забывая о духовных

Миллион лет спустя человечество становится народом рыбаков (в оригинале *fisherfolk*) уже в прямом смысле слова, поскольку рыба лишилась каких-либо символических коннотаций и стала единственной пищей, основой жизни далеких потомков людей, напоминающих скорее тюленей, лишенных языка, культуры и веры. «И здесь мне представляется, что начало моего повествования, действие которого охватывает миллион лет, не слишком отличается от его финала. В начале, как и в конце, я обнаруживаю, что говорю о людях – вне зависимости от размеров их головного мозга – как о рыболовах» [Там же, с. 54].

Еще одна аллюзия на библейский сюжет возникает в связи с описанием героя-призрака, нарратора романа, Лео Траута. Галапагосы миллион лет спустя, которые мы видим его глазами, удивительно напоминают землю до сотворения человека, населенную лишь невинными животными, ничем не схожими с *Homo Sapiens*, и над этими эдемскими островами одиноко парит дух Лео, единственного в этом мире носителя *Logos*'а. В отличие от священного предания о творении, его историю никому

не суждено узнать в божественном откровении: это роман, который пишется в сознании мертвого автора, текст нигде и ни для кого. «Я пишу эти слова в воздухе – указательным пальцем моей левой руки, которая тоже суть лишь воздух» [Там же, с. 280].

Эволюция как игра случая, с одной стороны, и результат функционирования законов естественного отбора – с другой, предстает материалистической альтернативой Божественной тайны и телеологической концепции развития жизни на Земле. Но «человек должен познать самого себя – свои цели, свою систему ценностей – так же глубоко, как он познает мир, который хочет изменить» [2, с. 251]. Библейские образы и сюжеты, которыми насыщен роман, в контексте эволюционной мифологии Воннегута приобретают новые смыслы, а их семантическая «хрупкость» указывает на то, что без своего основного наполнения – гуманизма в его высшем проявлении – это просто история случайностей.

Список литературы

1. Воннегут К. Галапагосы. М.: АСТ, 2010. 288 с.
2. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рендерс Й., Беренс В. В. Пределы роста: Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества». М.: Изд-во МГУ, 1991. 255 с.
3. Sproul, R. C. Not a Chance: The Myth of Chance in Modern Science and Cosmology. Grand Rapids; Michigan: Baker Books, 1994. 225 p.

THE BIBLICAL MOTIFS IN THE DYSTOPIAN NOVEL “GALAPAGOS” BY K. VONNEGUT

O. S. Ratnikova

Tver State University
the Department of Theory of Literature

The dystopian novel “Galapagos” by K. Vonnegut is analyzed in the context of biblical motives and mythology on various textual levels. The study includes such aspects as the author’s version of the Four Horsemen of the Apocalypse myth, combined with negative futuristic forecasts, ironic perversion of Noah’s ark and man’s creation stories. Christian symbols treated on the basis of postmodernist irony point out the fragility of our culture destroyed by consumerism and materialistic laws of chance and natural selection.

Keywords: *dystopia, biblical motives, Christian mythology, “Galapagos”, K. Vonnegut, transformation, apocalyptic story, perversion, postmodernism.*

Об авторе:

РАТНИКОВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: darkesteyes@yandex.ru.

About the author:

RATNIKOVA Olga Sergeevna – Postgraduate Student at the Department of Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: darkesteyes@yandex.ru.